

Город как субъективный опыт

Е. Л. Яковлева

Яковлева Елена Людвиговна (Казань, Россия) — доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова; Email: mifoigra@mail.ru

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГОРОДА ИЛИ ТЕЛО КАЗАНИ В СОВРЕМЕННЫХ ТОНАХ

Объектом исследования становится интерпретация городского пространства, появляющаяся благодаря метафизическому и метафорическому опыту личности, где пересекаются живое с неживым, естественное с искусственным, реальное с воображаемым. Индивид, осваивая город, делает его пространство близким/далеким, своим/чужим, понятным/непонятным, тем самым присваивая его и рефлексируя над бинарной оппозицией, способствующей кристаллизации образа Родины и чувства патриотизма. Познание города происходит одновременно через интеллектуальные, эмоциональные и интуитивные составляющие, включая двигательный/визуальный/тактильный/слуховой/обонятельный опыт. Метафора городского тела появляется вследствие восприятия города как живого, одухотворенного существа, обладающего антропоморфными чертами. В метафоричности восприятия города высвечивается и половое различие: каждый город суть символ мужского или женского начала, что наделяет его дополнительными характеристиками. В зависимости от времени года/суток, а также обстоятельств/настроений город помимо объективного бытия наделяется субъективным бытием, зависящим от личности интерпретатора. Освоенное/присвоенное городское пространство оказывает влияние на подсознание, сознание, образ мыслей и действий личности, помогая ей в жизнепроявлениях.

Ключевые слова: интерпретация, тело города, метафизический опыт, метафоричность, живое существо, искусственное, естественное, женское начало, калфак, Казанский Кремль

E. L. Iakovleva

Elena Ludvigovna Iakovleva (Kazan, Russia) — Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociopolitical Disciplines of Kazan Innovative University Named after V. G. Timiryasov; Email: mifoigra@mail.ru

POST-MODERNIST INTERPRETATION OF A CITY OR KAZAN'S BODY IN THE MODERN TONES

The research object is the interpretation of a city space emerging from the metaphysical and metaphorical experience of a person, where interfere the living and the lifeless, the natural and the artificial, the real and the imagined. A person, opening up a city, makes its space close or far, friendly or alien, clear or unclear, thus appropriating it and reflecting upon the binary opposition promoting the crystallization of the image of the Motherland and the sense of patriotism. The perception of a city happens simultaneously through the intellectual, emotional, and intuitive components including the motion/visual/tactile/acoustical/olfactory experience. The city's body metaphor appears in the result of the perception of the city as a living, spirited being with anthropomorphic features. The metaphorical character of perception of the city contains the gender difference: each city is a symbol of the male or the female principle endowing it with additional features. Depending on the season or the time of day, and the circumstances or the frame of mind, the city, along with the objective being, is endowed with the subjective being depending on the personality of the interpreter. The opened

up or appropriated city space affects the subconscious, the conscious, the way of thinking and acting of a person helping him or her manifest his or her life.

Keywords: interpretation, body of a city, metaphysical experience, metaphor, living being, artificial, natural, feminine, kalfak, the Kazan Kremlin

Сегодня у любого явления, феномена, события, автора и его произведения можно обнаружить наличие огромного количества интерпретаций, претендующих на право быть единственно истинными, что рождает ситуацию конкуренции интерпретаций и плюрализма в социальном. Интерпретация, свидетельствующая о проявлении рефлексивности и умения задуматься над объектом исследования, считывая и понимая входящие в него символы, способствует познанию и пониманию не только окружающего мира, его феноменов, ситуаций, людей, но и самого себя, открывая личностный мир *В-себе*, что преобразует интерпретатора и помогает ему ориентироваться в жизни. Сам процесс интерпретации в современности выступает в качестве практического способа интеллектуального возрождения и конструирования личности путем обретения ценностных смыслов. Энергичность интерпретационного процесса дает своеобразные ключи от бытия интерпретатору, помогая раскрыть *смысл смысла*, существующий в виде непередаваемого и глубоко сокрытого, тем самым являя «осмысленное самим собой конституирование смысла» [5, с. 154].

Конституирование смысла осуществляется в процессе интерпретации, представляющей собой «для созерцающего его человеческого разума» ни что иное как лабиринт со множеством «запутанных дорог, обманчивых подобий вещей и знаков, извилистых и сложных петель и узлов» [11, с. 38–39]. Именно интерпретация становится своеобразной точкой пересечения «Я» и Другого/иного, их диалога между собой, демонстрируя модус *вместе/в-месте*. Здесь встречаются хронотоп объективный и субъективный, а также (возможно) художественный, связанный, не в последнюю очередь, с элементами мифизации и фантазирования, свойственными каждой личности и утрированными сегодня в гламурном социальном.

Человек живет в определенном пространстве, осваивая его и делая комфортным для себя, не в последнюю очередь, благодаря интерпретированию. Совокупность географических названий, имеющих свой адрес, образуют *топонимическое пространство*, становящееся для личности в зависимости от жизненных обстоятельств близким/далеким, родным/чужим, знакомым/незнакомым и их сочетаниями между собой. Одним из таких пространств можно назвать *город*. Его обыденная привычность/привычная обыденность не позволяет часто увидеть «Я» окружающее пространство — *физическое тело города*, имеющее собственные очертания. Последние образуются внешними и внутренними границами, хитросплетением узора улиц, сочетанием площадей, парков, скверов, рынков, культовых сооружений, офисов, жилых комплексов и домов и пр. Каждый город имеет индивидуально-неповторимый колорит и облик, своеобразие которому придают не только национальная/государственная принадлежность, пограничные очертания, имена и творения гениев, но и субъективные восприятия и переживания, рождаемые этим пространством.

В связи с этим, в статье предпринимается попытка описания города Казани с позиций постмодернистских исследований. Образ города позиционируется как тело, обладающее национальным колоритом. Автор интерпретирует его в виде элемента женского головного убора.

В качестве основных методов исследования выступают аналитический, герменевтический и феноменологический, помогающие образному описанию поставленной цели.

Само понимание тела связано с *материально-пространственной структурой в виде планировки и застройки города/населенного пункта*. Несмотря на то, что город рукотворен, а значит искусственен, его тело воспринимается как *живой организм*, имеющий свою физиономию, способную реагировать на внутренние и внешние воздействия, а также восприниматься живущими в нем людьми. При этом на субъективную интерпретацию города влияет множество факторов.

Присвоение городского пространства происходит посредством метафизического и метафорического опыта личности. Жизненные события личности, «маленькие трагедии» и большие радости,

развертываются на городском ландшафте. Неслучайно *post factum*, в воспоминаниях человека, конкретные детали события вместе с сопровождаемыми эмоциями становятся более тусклыми, но городской пейзаж, на котором они разворачивались, оказывается устойчивым и детализированным. Объясняется подобное тем, что город ежедневно являет личности свой облик, меняя одежды своего богатого гардероба. Подчеркнем, одежда города в восприятии каждой личности оказывается сугубо индивидуальной. Неслучайно «каждый горожанин переживает город (по крайней мере, город, хорошо знакомый) как продолжение своего собственного тела, как особого рода одежду, вернее, как целую последовательность одежд, развернутую в городском пространстве. Слои этой одежды несут печать конкретной личности горожанина тем отчетливее, чем ближе находятся к его физическому телу: его комната куда ярче окрашена его персональными пристрастиями, чем лестница или двор, не говоря уж о ближайшей улице и т.п.» [3, с. 234]. Подчеркнем, городской гардероб зависит не только от личных пристрастий, модных тенденций, но и времени года/суток, смены будней и праздников, объектов (памятников, арок, фонтанов и пр.) внутри пространства.

Город по-разному (активно/пассивно/агрессивно/комфортно) воздействует на человека, обволакивая/захватывая/подавляя, тем самым оказывая влияние на подсознание, сознание, образ мыслей и действий личности. В свою очередь, личность *присваивает* себе город, отождествляя его со своим/чужим пространством и переживая как продолжение себя. Наиболее ярко это качество проявилось в пословицах и поговорках разных народов: «Родимая сторона — мать, а чужая — мачеха», «В гостях хорошо, а дома лучше», «Свой сухарь лучше чужих пирогов», «Свой уголок — свой простор», «Ищи добра на стороне, а дом люби по старине», «В чужом доме не осуждай!», «Каково на дому, таково и самому», «В чужом доме побывать — в своем гнилое бревно увидеть», «На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой затевай», «Как бы ни было сладко жить на чужбине, всегда тянет к родной стороне» (тат.), «На родной стороне даже дым сладок» (тат.), «Бежал от дыма, да попал в огонь» (тат.), «В Астрахани телка рубль, да перевоз тысячу» (К. Насыри), «Понадеялся на гору, где и дичи-то не водится» (К. Насыри), «Свое — в сердце, чужое — под мышкой» (К. Насыри), «Хочешь знать, что в твоём доме творится, спроси у соседа» (К. Насыри), «Хоть палец в рукавице пошевелишь — от глаз людских не утаишь» (К. Насыри), «Где-то там, говорят, котел есть, а пойдешь, и черпака не найдешь» (К. Насыри), «Не стучи в чужие ворота, не то в твои постучат» (К. Насыри), «Гость — ишак хозяина» (К. Насыри), «В вашем доме, что ни день, то праздник или свадьба. В нашем доме, что ни день, то горе иль кручина» (К. Насыри) и др. [См.: 6]. Приведенные пословицы иллюстрируют бинарную оппозицию, дошедшую до нас с глубокой древности. Здесь используется архаический принцип противопоставления (свое — чужое, в доме — в гостях), позволяющий посредством ассоциаций познать и описать мир, в нашем контексте город как место жительства. При этом, свое пространство, несмотря на недостатки, оказывается родным и близким, высвечивая культуру соучастия, понимание места жительства как образа Родины и патриотизм.

Бинарная оппозиция, порой неосознанно присутствующая в сознание личности, помогает выстроить схему, согласно которой родной город для человека, как правило, бывает *своим*, в то время как другое городское пространство воспринимается *чужим*. Но само пространство родного города (*своего*) дискретно, оно рассматривается личностью через призму «свое — чужое»: определенные районы/объекты в городе оказываются для индивида близкими и знакомыми, что-то выступает далеким, чуждым и даже неприятным. В итоге человек «все "свое" невольно и бессознательно наделяет собственной, как бы независимой от него (горожанина) жизнью, характером и судьбой. Другими словами, "свое", как и все живое, существует не только на потребу горожанина, но и само по себе, по каким-то своим, не всегда понятным законам, и в этом смысле существует как нечто совершенно естественное» [3, с. 237]. В стихотворении Лоры Тасси обнаруживается яркая иллюстрация присваивающего отношения к городу личностью:

*О, прекрасная дева, царица Казань!
Красотою своей мое сердце не рань,
Белизною кремлевской стены не плени,
Высотой Спасской башни меня не мани.*

Благодатью церковной меня не чаруй,
Сююмбеки кривой надо мной не колдуй.
О, Казань, в старину ты вплела новый век —
Очарован тобою простой человек:
Здесь, как миф, Кул Шариф из заоблачных сфер,
А поодаль разросся гигант «Универ»,
Здесь дома антиквары из прошлых эпох,
И коробки бетонные новых домов.
Тут Кабан полноводный исполнен легенд,
За Казанкой долины чудеснее нет,
С Петропавловской церкви, дохнув стариной,
Как на ладони спит город родной.
Здесь мечети и церкви в один небосвод,
Здесь живет дружелюбно различный народ,
Хоть в гостях я пленялась чужой красотой,
Но душа устремлялась обратно — домой,
Наши судьбы сплелись, как начала Инь-Янь,
Я тебе отдала свое сердце, Казань! [10].

Несмотря на искусственность городского ландшафта, личность относится к городу как к живому существу, наделяя его антропоморфными чертами, в чем проявляется неискорененная тяга человека к мифотворчеству, анимизму и магии, рождающая *метафоричность* в познавательной способности личности, которая проявляет себя наряду с рациональным компонентом и высвечивает эмоционально-чувственный аспект. Человек реально либо виртуально/мысленно *ведет диалог с одухотворенным городом как живым существом*, подключая к процессу свой двигательный/визуальный/тактильный/слуховой/обонятельный опыт бытия в городском пространстве. Подобное общение осуществляется в своеобразном (реальном/виртуальном) путешествии по городу, хождении по улицам и улочкам, поиске/выборе любимых/укромных/тайных/потаенных мест, а нередко происходит их изучение, в результате чего осуществляется присвоение/при-свое-ние городского пространства. Город становится своим. Вспомним строчки Лоры Тасси:

Я вновь иду по улицам Казани,
Единственной, любимой несказанно<...>
Трамвайный шум, гул серых небоскребов —
Здесь все звучит мелодией особой<...>
Но в мире новом, мире современном
Еще слышны старинные напевы:
То пронесли с собой через столетья
Свою культуру болгарские дети... [9];

или Арома Лайм:

У столицы на виду
по Булаку я иду
и подсветок синий жемчуг
беззастенчиво краду.
А на Баумана гул —
Вырви музыки разгул.
Кот казанский из кареты
Мне игриво подмигнул.
Мчит людское колесо,
изумляется лицо:
не для нас ли, для заблудших,
нимбом светится «Кольцо»?

На Кремлевской благодать:
до звезды рукой подать.
Бирюзовый пятикупол
далеко в ночи видать [4].

Путешествие по городу позволяет увидеть его *тело*. Подчеркнем, *тело города* выступает в качестве *метафоры*, олицетворяющей среду обитания личности как существа, обладающего своими очертаниями и структурными элементами в виде частей тела. В процессе рождения городской телесности личность активно при интерпретировании задействует воображение и фантазию. Понимая, что город искусственен, человек фантазирует над его обликом, пропуская через призму своего Я как личного горизонта, тем самым вплетая в реальное нереальное, в рациональное эмоциональное, в сознательное подсознательное и даже сверхсознательное, в действительное воображаемое, в объективное субъективное, в непотаенное потаенное, в схематичное телесное. Подобная переработка информации и ее интерпретация рождает *метафору тела города*, снимая противоречие между искусственностью и естественностью. Метафора *оестествляет искусственность* среды обитания человека. Искусствовед Г. З. Каганов выстраивает следующую схему проекции телесности на город: «передвигаясь по "своему" городу вполне бездумно, когда не требуется на каждом шагу напрягать рефлексию и внимание, горожанин смотрит на него из такой глубины своего существа, что его собственное тело непроизвольно и незаметно становится как бы первым планом картины, и за долгий срок этот "вид изнутри тела" (со всеми его подсознательными образами и комплексами) переносится на город, который столь же непроизвольно и незаметно начинает видеться тоже как тело и тоже изнутри» [3, с. 248]. В итоге житель мыслит город как *свой*, различая внутри тела *свои* части в виде района/двора/дома/этажа/квартиры.

Еще одним аспектом метафорического восприятия города является его *половое различие*. Если обратиться к названию города Казань, то здесь мы встречаем ярко выраженное *женское начало*, что подчеркивают и приведенные нами поэтические строчки. В них городская телесность описывается посредством слов женского рода — *она, царица, дева, единственная, любимая* и др. Это неслучайно. Дело в том, что «города предстают в литературе в качестве женских персонажей, а в изобразительном искусстве передаются как женские фигуры <...>, в древневосточном культурном пространстве подобные представления воплощаются в образе богини города» [См.: 7]. Другое дело, что, несмотря на женственность своего именованья, легенды о происхождении названия города расходятся. Одна группа версий связывает название города с казаном, имеющим мужской род. Другая группа версий имеет ярко выраженное женское начало. Так, лингвист Д. Г. Киекбаев связывает название города со словом «*каен*» — береза, а писатель Юсуп Гарай — с *водной травой* (мать-и-мачеха или лебеда душистая), встречаемой у тюркских народов. Несмотря на неясность происхождения названия города Казани, что выдает в нем ярко выраженное женское начало, олицетворяющее потаенность как сокрытость глубоко личного (на сегодняшний день — это пока *в-себе-потаенность*), тем не менее, сделаем акцент на следующем моменте. Даже если происхождение слова связано с *казаном*, то он семантически наделяет женский образ чертами маскулинности — силой, мужеством, отвагой, стойкостью, рождая метафору *мужественной женщины*, о чем свидетельствует более чем тысячелетняя история Казани.

В пользу женского образа Казани говорит ее карта-схема. Контур города представляет собой национальный женский головной убор — *калфак* (в интерпретации Н. И. Воробьева — *простой колпак*). Он — женский символ, узоры которого несут определенный смысл, чувства и переживания, показывая духовную красоту хозяйки. Если в древности калфак был повседневным городским убором, то сегодня его можно увидеть только как элемент праздничной одежды или сценического костюма (см. Рис. 1 и 2).

Схема Казани повторяет геометрическую причудливую изворотливость калфака. Дело в том, что сложный на первый взгляд головной убор имеет довольно простую конфигурацию: он, обладая прямоугольной формой с конусом на одном конце, одевался на голову, надвигаясь на лоб, а конусо-

Рис. 1. Схема г. Казани

Рис. 2. Татарский калфак

образный конец либо откидывался назад, либо набок, придавая замысловатость головному убору.

Внимание и на этот объект городского пространства. Если внимательно изучить схему Казанского Кремля, то в ней мы отчетливо увидим женский профиль с калфаком на голове, где лобную часть с калфакком составляют Тайницкая и Воскресенская башни, Президентский Дворец и башня Сююмбике, глаз — Южный корпус, нос — мечеть Кул Шариф, рот — Преображенская башня, подбородок обрамляет — Юго-Западная башня, а длинная шея красавицы Казани — улица Баумана, где постоянно дует ветер и в зависимости от времени года хочется закутаться то в теплую шаль, то в легкий шелковый платок (см. Рис. 3).

Рис. 3. Схема Казанского Кремля

Владимир Маяковский, писал, что «начинается земля, как известно от Кремля», обратим

Охраняет кремлевскую красавицу другой символ Казани — кот, примостившийся на ее шее, согревая и охраняя (памятник Коту Казанскому установлен на улице Баумана, скульптор — Башмаков И. Н.):

*Кремль ночной, как белый кокон,
Светлой полнится тоской,
О холодный мрамор окон
Трется лунный кот щекой.
Водит лапами по крышам
Древних башен и домов —
Притаились звезды-мыши,*

*Видя блеск его усов.
Меркнут в сумраке столетий
Троны, битвы и пиры,
Меж соборов и мечетей
Бродят брошенные сны.
Тают в вечности заботы
Под созвездием креста,
Мягкой греет нас дремотой
Тень пушистого хвоста.
Лунный кот мурлычет нежно
Колыбельную кремлю:*

*«Спи, мой пленник белоснежный,
Помни — я тебя люблю» [1].*

Хождение по городу рождает в личности огромную палитру ассоциаций, которые могут усиливать время года, естественный свет и искусственное освещение, звуки, вибрации и даже запахи. Все это способствует эмоциональному восприятию города и его приятию/неприятию. Так, зима повлияла на рождение следующего городского поэтического пейзажа Лоры Тасси:

*Кул Шариф замерла в ослепительно-белом сиянье,
И неоновым отблеском вторила ей Пирамида,
Белый Кремль со снегом слился в неустанном лобзанье,
Сююмбеки кривая на них затаила обиду.
Хоррият одиноко качалась на мраморном шпигеле —
С высоты караулила сон полуночной Казани,
Ветер вьюгу шальную крутил в бесконечной кадрили,
Над Волгой, стирая воздушно-наземные грани.
И поземка струилась змеею по Ленинской дамбе,
И куда-то, во тьму убегая, спешили машины,
Новогоднюю сказкой мерцала Казань в каждой лампе,
Старо-древним мотивом Булгарские степи ожили [8].*

Неповторимый облик городу придают знаменательные метки в виде памятников, старинных построек и пр., связанные с историческими именами:

*Провинция, ты тем и хороша,
Что сохраняешь от распада личность,
а если в нас духовная столичность,
Провинциальность, право, не грешна...
Казань, Казань, татарская столица,
Предположить ты даже не могла,
как накрепко Россия настоится
под крышкою бурлящего котла.
И в пахнувший казарменными щами,
Европою приправленный настой
войдут Державин, Лобачевский, Щапов,
войдут и Каракозов, и Толстой.
Шаляпина ты голосом подаришь,
и пекаря чудного одного
так пончиками сахаром придавишь,
что после Горьким сделаешь его [2].*

Согласимся с искусствоведом Г. З. Кагановым, утверждающим, что «совмещение живого с неживым, естественного с искусственным, просвечивание их друг через друга и способность друг друга замещать и обозначать — все эти свойства воображения воспитываются нормально развитой городской культурой и задают направление идентификации горожан со своей средой» [3, с. 243].

В целом, город оказывается не только средой обитания человека, «близостью привычного»/«пространством родства» (Ж. Перек), но и обладает структурирующим началом, высвечивающимся в процессе интерпретации. Он, кристаллизуясь в символ малой Родины, прививает/развивает/поощряет/подавляет/нейтрализует в личности определенные черты, способствуя рождению определенного стиля поведения (вспомним, существующее различие между москвичом и казанцем, тамбовчанином и казанцем и др.) и проявлению патриотических настроений и гражданской позиции.

Ключевой фигурой процесса интерпретации города выступает живущая в нем личность ежедневно или при определенных обстоятельствах (критические или счастливые моменты жизни, наличие свободного времени, состояние влюбленности и пр.) пускающаяся в путешествие по нему

и ведя внутренний диалог, считывая и осмысляя городские символы и метки. Данный процесс как духовная практика Я представляет собой *непредсказуемое путешествие как приключение/приключе-ние*, в котором есть цель — познание городской телесности как текста, но при этом неизвестно (даже если это не первое прочтение), куда/к каким открытиям путь может привести, способствуя появлению Я-Другого. Путешествующий по городу «должен научиться постоянно корректировать то представление, которое у него складывается, будь то конкретное представление об одной из его секций (локальных), или же регулирующее и гипотетическое представление, обладающее структурой» [11, с. 55]. В результате включенности/в-ключе-нности в процесс понимания городской телесности Я проходит большой путь, связанный с непрерывным внешним и внутренним, реальным и виртуальным диалогом (с самим собой/окружающими объектами, людьми и/или ситуациями). Индивид, проявляя в этом пути себя разнонаправленно/ризомно, одновременно совмещая собственное прошлое — настоящее — будущее, выходит на новую реальность, становясь Я-Другим. Подобное путешествие, оставляя в памяти неизгладимый след, побуждает к новым городским странствиям: размышлениям, интерпретациям и преобразованиям не только Я, но и городской телесности.

Библиография

1. Алексеев И. Е. Лунный кот — Казанский кремль. URL: <http://www.stihi.ru/2009/12/17/7308>
2. Евтушенко Е. Казанский университет. URL: http://www.dolit.net/author/12515/ebook/49565/evtushenko_evgeniy/kazanskiy_universitet/read
3. Каганов Г.З. Душа и тело города // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке/ Под ред. Б. Г. Юдина. — М.: Прогресс-Традиция. 2007. — С. 234-255.
4. Лайм А. Прогулка по Казани в конце декабря. URL: <http://www.clubocheck.ru/konkurs.php?idf=1454>
5. Нанси Ж. -Л. Непроизводимое сообщество. М.: Водолей. 2011. — 208 с.
6. Насыри К. Фольклор. Загадки. Пословицы и поговорки. URL: <http://kitap.net.ru/nasyri2.php>
7. Неклюдов С. Ю. Тело Москвы: к вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov20.htm>
8. Тасси Л. Зимняя сказка. URL: <http://mylevl.ucoz.ru/news/2009-05-11-23>
9. Тасси Л. Мелодия моя... Казань... URL: <http://mylevl.ucoz.ru/news/2009-05-11-23>
10. Тасси Л. О, Казань... URL: http://zanimatika.narod.ru/RF11_Kazan.htm
11. Эко У. От дерева к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. — М.: Академический проект, 2016. — 559 с.

References

1. Alekseev I. E. Lunnyj kot — Kazanskij kreml'. URL: <http://www.stihi.ru/2009/12/17/7308>
2. Evtushenko E. Kazanskij universitet. URL: http://www.dolit.net/author/12515/ebook/49565/evtushenko_evgeniy/kazanskiy_universitet/read
3. Kaganov G.Z. Dusha i telo goroda // Mnogomernyj obraz cheloveka: na puti k sozdaniyu edinoj nauki o cheloveke/ Pod red. B. G. Yudina. — M.: Progress-Tradicija. 2007. — S. 234-255.
4. Lajm A. Progulka po Kazani v konce dekabrya. URL: <http://www.clubocheck.ru/konkurs.php?idf=1454>
5. Nansi ZH. -L. Neproizvodimoe soobshchestvo. M.: Vodolej. 2011. — 208 s.
6. Nasyri K. Fol'klor. Zagadki. Poslovicy i pogovorki. URL: <http://kitap.net.ru/nasyri2.php>
7. Neklyudov S. Yu. Telo Moskvyy: k voprosu ob obraze «zhenshchiny-goroda» v russkoj literature. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov20.htm>
8. Tassi L. Zimnyaya skazka. URL: <http://mylevl.ucoz.ru/news/2009-05-11-23>
9. Tassi L. Melodiya moja... Kazan'... URL: <http://mylevl.ucoz.ru/news/2009-05-11-23>
10. Tassi L. O, Kazan'... URL: http://zanimatika.narod.ru/RF11_Kazan.htm
11. Eco U. Ot dereva k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretacii. — M.: Akademicheskij proekt, 2016. — 559 s.